

Валентин Зимин

Культурная коннотация фразеологизмов русского языка

Studia Rossica Posnaniensia 33, 133-140

2006

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

КУЛЬТУРНАЯ КОННОТАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

CULTURAL CONNOTATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN RUSSIAN LANGUAGE

ВАЛЕНТИН ЗИМИН

ABSTRACT. Cultural connotation is a manifestation of culture in the semantic content of phraseological units. There is no direct correlation between culture and language because the presupposition (previously known immense knowledge) always takes its place between them and serves as the key for the interpretation of both. It is impossible to comment on the cultural content of phraseological units not knowing their presuppositional base. That is why the cultural commentary of phraseological units is nothing else but methodical disclosure of their presuppositional aspects which are the true codes of culture and include in themselves meanings and senses connected with mythology, legends, rites and rituals, symbols, stereotypes, traditions, habits and so on.

Валентин Зимин, Московский педагогический государственный университет, Москва – Россия.

Для лингвокультурологии базовым понятием является культурная коннотация языковых единиц.

Культурная коннотация это в самом общем виде интерпретация денотативного или образного мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры. Применительно к единицам фразеологического состава языка как знакам вторичной номинации, характерной чертой которых является образно-ситуативная мотивированность, которая напрямую связана с мировидением народа – носителя языка, средостением культурной коннотации, ее основным нервом является это образное основание¹.

Анализ культурной коннотации фразеологизмов предполагает выяснение многих вопросов и прежде всего того, каким образом культура воплощается во фразеологических единицах. Средством воплощения культурно-национальной специфики является образное основание, внутренняя форма фразеологизма, образная гештальт-структура (часто включающая в себя культурно маркированные компоненты, обозначающие „культурные” реалии). Способом

¹ В.Н. Т е л я, *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*, Москва 1996, с. 214.

же указания на культурно-национальную специфику является „интерпретация образного основания в знаковом культурно-национальном «пространстве» данного языкового сообщества”². Тут надо заметить, что между культурой и языком нет прямого соотношения: между ними можно „поставить” пресуппозицию (ранее приобретенное знание) как ключ к интерпретации. (Эта мысль в устной форме была высказана И.И. Сандомирской). Интерпретировать содержание культурной коннотации, заключенной во фразеологизме, без пресуппозиции невозможно: не знаешь пресуппозиции, не знаешь, что сказать о культурной коннотации фразеологизма. Например, чтобы понять значение фразеологизма *есть чужой хлеб* „жить за чужой счет”, надо знать, что в основе этого фразеологизма лежит архетип хлеба как символа жизни, благополучия, материального достатка и что это освещено светом Библии, согласно заветам которой человек (первоначально это был Адам) должен был добывать себе хлеб в поте лица; хлеб обязательно должен быть „своим”, т.е. заработанным собственным трудом, если же кто *ест чужой хлеб* („живет за счет других”), то такое поведение осуждается. Культурный комментарий фразеологизма включает в себя прежде всего изложение пресуппозиции.

Итак, содержанием культурно-национальной коннотации фразеологизмов является интерпретация образного основания (внутренней формы) фразеологизма в знаковом культурно-национальном „пространстве” данного языкового сообщества. Из этого можно вывести два методологически важных следствия: 1) культурное знание можно „вылавливать” из внутренней формы идиомы: в ней наличествуют „следы” культур, предшествовавших современному состоянию – обычаи и традиции, исторические события и элементы быта³; 2) культуру можно понимать как способ ориентации субъекта в эмпирической, культурной, духовной жизни на основе норм, эталонов, стереотипов, символов, мифологем и т.п. знаков национальной культуры, традиционна установившейся в определенном национальном (языковом) социуме. (Устное заявление В.Н. Телия).

Во фразеологии можно выделить некоторые основные, на наш взгляд, области, являющиеся источниками культурно-значимой интерпретации фразеологизмов. О них говорится в книге В.А. Масловой: „На фоне объекта исследования – лингвокультурологии – можно выделить несколько его предметов, каждый из которых тоже состоит из отдельных лингвокультурологических единиц. Мы выделили 9 таких предметов, но их количество может быть еще увеличено: 1) объект лингвострановедения – безэквивалентная лексика и лакуны; 2) мифологизированные языковые единицы: обрядово-ритуальные формы культуры, легенды, обычаи, поверья, закрепленные в языке; 3) паре-

² Там же, с. 215.

³ Д.О. Д о б р о в о л ь с к и й, *Национально-культурная специфика во фразеологии (II)*, „Вопросы языкознания” 1998, № 6, с. 57.

миологический фонд языка; 4) эталоны, стереотипы, символы, ритуалы; 5) образы; 6) стилистический уклад языков; 7) речевое поведение; 8) взаимодействие религии и языка; 9) область речевого этикета”⁴.

Скажу об основных понятиях, относящихся к анализу культурного содержания идиом в лингвокультурологическом аспекте. Сделаю это в основном с целью указать на методологические основы лингвокультурологического описания фразеологизмов русского языка.

Безэквивалентная лексика и лакуны в структуре идиом исследовались в основном в лингвострановедении. Лингвострановедение при этом понималось как наука, изучающая вместе с языком культуру и историю страны, особенности природы, экономики, общественное устройство, нравы и обычаи, фольклор, художественную литературу, искусство, науку, быт народа, населяющего эту страну⁵.

Фразеологические единицы представляют собой благодатное поле для лингвострановедческого исследования. В самом деле, многие компоненты идиом содержат указание на этнографические реалии (*лапоть* в идиоме *не лаптем щи хлебать*, *аршин* в идиоме *мерить на свой аршин*, *самовар* в пословице *В Тулу со своим самоваром не ездят* и др.), на архаические элементы (*зеница* в идиоме *хранить как зеницу ока*), на исторические элементы (*ижица* в идиоме *прописать ижицу* – стар. и шутол. ‘проучить, наказать’: *ижица* – ‘название последней, 43-й, буквы церковно-славянской азбуки, по форме напоминающей римскую цифру „пять”’. *Прописать* – тщательно выписать. В старой школе, когда учеников пороли, следы от порки были похожи на ижицу, что и послужило образным стимулом к образованию идиомы; *Мамай* в идиоме *как Мамай прошел* – ‘большой беспорядок, разгром, опустошение’. Хан Мамай предпринял ряд опустошительных походов в русские земли в 1373 и 1376 годах, что послужило образным основанием для возникновения этой идиомы).

Миф – древняя форма познания и объяснения мира, выражающаяся в народных сказаниях о богах и легендарных героях, о происхождении жизни на земле. Важнейшей частью мифа является мифологема – важнейший персонаж или ситуация, как бы „главный герой мифа”, который может переходить из мифа в миф⁶. Надо подчеркнуть, что миф – не выдумка, а живая реальность для сознания людей. „Миф не есть бытие идеальное, но – жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная

⁴ В.А. Маслова, *Введение в лингвокультурологию. Учебное пособие*, Москва 1997, с. 12; ее же, *Лингвокультурология. Учебное пособие. Для студентов высших учебных заведений*, Москва 2001, с. 35–47.

⁵ См.: Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, *Лингвострановедческая теория слова*, Москва 1980.

⁶ В.А. Маслова, *Введение в лингвокультурологию...*, указ. соч., с. 14.

действительность”⁷. Не признавая реальности мифа, трудно рассчитывать на понимание национально-культурного своеобразия многих идиом современного языка. См., например, *к черту* – грубо-фам. ‘прогнать вон, долой; послать; бросить, оставить’ (говорится с неодобрением). Имеется в виду, что лицо (X) в грубой форме выражает крайнее раздражение против лица (Y) [реже – какого-либо вещного объекта (Z)], желая поскорей избавиться от объекта раздражения. Культурный комментарий этого фразеологизма таков. Образ фразеологизма восходит к архетипическому, т.е. наиболее древнему мировосприятию, противопоставляющему „свое – чужое”. Компонент фразеологизма *чёрт* указывает на демонический смысл культуры, а фразеологизм в целом – на „местопребывание” черта, о чем свидетельствует предлог *к*. Черт – в народно-религиозных поверьях – олицетворение зла, враг рода человеческого; нечистый, лукавый. Иногда водяного, редко лешего, зовут чортом⁸. Черт – в народных поверьях: злой дух, сверхъестественное существо в человеческом образе, с рогами, копытами и хвостом. Во фразеологизме реализуется общее экспрессивное и негативное значение, характерное для демонологической лексики (ср. также: *дьявол, бес, леший* и т. п.). Образ фразеологизма является реликтом древних верований. Для окультуренного осознания мира древним человеком важно заметить, что „черт в народных поверьях – это самостоятельный персонаж, не имеющий ничего общего с дьяволом или Сатаной – образами, пришедшими в славянскую культуру из библейских текстов вместе с христианством...”. „Черт – персонаж собственно славянский..., возникший еще до принятия христианства, но потом изменившийся под влиянием христианских представлений о бесе”⁹. Черт отличается от других восточнославянских мифологических персонажей тем, что он всегда делает только зло, у него одна задача – как можно быстрее погубить человека, довести его до смерти и завладеть его душой. Поэтому послать человека к черту – значит обречь его на гибель. По верованиям восточных и западных славян черти водятся в „нечистых” местах – на болотах. Ср. поговорки: *Было бы болото, а черти будут. В тихом болоте (омуте) черти водятся. Вольно чёрту в своём болоте орать. Сидит як чорт на грошах в болоти (украинская)*¹⁰. Фразеологизм в целом выполняет роль стереотипного проклятия – отсыла. Варианты *к чертовой матери* <бабушке> и *к чертям собачьим* восходят к древним верованиям в „нечистую силу”. В последнем варианте прилагательное *собачьи* усиливает экспрессию (см. по религиозным представлениям евреев и мусульман собака является нечистым животным). В некоторых сла-

⁷ А.Ф. Л о с е в, *Диалектика мифа*. В: его же, *Миф, число, сущность*, Москва 1994, с. 14.

⁸ См. В.И. Д а л ь, *Толковый словарь живого великорусского языка*, Москва 1999, с. 597.

⁹ Е. Л е в к и е в с к а я, *Мифы русского народа*, Москва 2000, с. 438.

¹⁰ См. *Славянская мифология*, Москва 1995, с. 62.

вянских языках *пёс* является заместителем черта. Ср.: *Пёс (чёрт) с тобой* (польск.). *Будь хоть пёс (хоть чёрт), лишь бы яйца нёс*. Ср. тоже бранные выражения: *Пёсий род. Пёсья лодыга!*

В основе мифологического сознания лежат архетипы. **Архетип** – это устойчивый образ, возникающий в сознании индивидов определенного языкового социума и имеющий распространение в культуре¹¹. Архетипы заданы изначально (от Бога?) в языке, см. такие архетипы, как левое – правое, верх – низ, мужское – женское, далекое – близкое и т.п. По отношению к архетипам не задаются вопросом „почему так?“, а если отвечать на этот вопрос, то надо сказать, что это изначально, как земля вращается вокруг солнца. Архетипы усваиваются вместе с языком. В целом мифологическое сознание является основой культурно-языкового поведения человека. Переход от мифологического сознания к „современному“ осуществляется в основном через метафоры, в том числе и через те, которые лежат в основе устойчивых и фразеологических сочетаний (ср. *печаль охватывает человека, ложится на сердце, горе навалилось, горе ходит по людям, горе в сердце ношу, горе заставляет плакать* и т.п.). Архетипы обращены вглубь времени, истории человеческого сознания. Море, например, в русском языке является архетипом для понимания и выражения чувств: см. сочетания: *чувство бурлит, переполняет кого-л., чувство выплеснулось наружу, море чувств, глубина чувств, мелкое чувство, глубокое чувство* и т.п. Таким образом, первобытный образ, именуемый архетипом, всегда коллективен, т.е. он является общим для отдельных народов и эпох. По всей вероятности, наиболее важные мифологические мотивы общи для всех времен и народов. Человек находится во власти архетипов до такой степени, какой он себе и представить не может, т.е. современный человек даже не понимает, насколько он находится во власти иррационального¹². Во фразеологизмах архетипы являются обычно в двучленном противопоставлении: верх – низ, левое – правое, далекое – близкое, свое – чужое и т.п. См. такие фразеологизмы, как *выносить сор из избы* – ‘разглашать сведения о каких-либо неприятностях, касающихся узкого круга „своих“ лиц и потому скрывааемых от посторонних’ (говорится с неодобрением или осуждением). Культурный комментарий этого фразеологизма включает в себя архетипическое противопоставление „свои – чужие“. Фразеологизм восходит к поверью о том, что по вынесенному мусору „чужие“ люди могут навести порчу на хозяина дома или его родственников. Во избежание этого сложился ритуал-оберег: „Не выносить сор из избы, а сжигать его в печи“. См. также фиксацию этого оберега в пословице *Сору из избы не выноси, а в печи топи*. Этот запрет-оберег восходит к древнейшей, анимистической, т.е. одухотворяющей мир, форме осознания мира, но и в современном сознании слово *сор*

¹¹ С. С е н д е р о в и ч, *Ревизия юнговской теории архетипа*, „Логос“ 1994, № 6, с. 144.

¹² В.А. М а с л о в а, *Введение в лингвокультурологию...*, указ. соч., с. 14.

воспринимается как символ того, чем можно опорочить (ср. тоже *облить грязью, помоями*). См. также фразеологизм *звонить / раззвонить <трезвонить> во все колокола кому, о чем* – ‘повсюду объявлять о чем-л., распространять какие-л. сведения, известия’ (говорится с неодобрением). Подразумевается, что распространяемые лицом (X) сведения имеют личный, интимный характер в отношении кого-л. Имеется в виду, что лицо (X) во всеуслышание сообщает другому лицу (Y) о какой-л. новости, событии и т.п. (P), специально привлекая внимание к этому. В культурном комментарии этого фразеологизма заложено архетипическое противопоставление „близкое – далекое”. В старину звоном колоколов распространяли вести о бедствии, пожаре, надвигающемся вражеском войске и т.п. Образ фразеологизма восходит к предметной области культуры и содержит архетипическое, т.е. свойственное для древнейшей формы коллективно-родового осознания мира, противопоставление „близкое – далекое”. Достигнуть „далекое” (пространство) можно было звоном колокола. В составе фразеологизма колокол метафорически уподобляется языку (ср. язык человека – язык колокола) как средству „устного” сообщения заранее обусловленной информации на значительное расстояние.

Мифы, как мы уже говорили, являющиеся „стопроцентной реальностью”, могут трансформироваться в *легенды* – „продукты сознательного творчества”¹³. Так, на основе легенды появился фразеологизм *вавилонское столпотворение* – ‘беспорядочная толпа людей, неразбериха, суматоха’. Выражение из старославянского языка. Из библейского рассказа о попытке строительства в Вавилоне башни (столпа) до небес. За дерзость Бог наказал строителей башни, сделал их разноязычными. Люди прекратили строительство башни, так как перестали понимать друг друга. На значение выражения позже, возможно, в русском языке оказало влияние близкое по звучанию слово „столпиться”.

Для раскрытия культурного содержания идиом важно представить описание символов, стереотипов, эталонов, ритуалов.

В лингвистической литературе более всего установилось феноменологическое понимание **символа** как вещи, награжденной смыслом. В структуре идиомы у отдельных компонентов вырабатывается символическое значение: например, *нести крест* – ‘терпеливо переносить страдания, невзгоды, мириться со своей печальной участью’, где *крест* – символ страдания, восходящий к евангельскому рассказу о том, как Иисус нес крест на место распятия, на Голгофу. Во фразеологизмах *держат вожжи в руках* – ‘сосредоточить в своих руках руководство’, *отбиться от рук* – ‘выйти из повиновения, стать непослушным’ у компонента *рука* развивается символическое значение ‘власть’; во фразеологизмах *быть чьей-л. правой рукой* – ‘быть первым помощником’, *протянуть руку помощи* – ‘оказать помощь кому-л.’ у компонента *рука* развивается символическое значение ‘помощь’. Хочу поставить интереснейшую, на

¹³ Там же, с. 81.

мой взгляд, проблему для исследования – семантическая структура фразеологизма как контекст для развития символического значения у некоторых компонентов.

Эталоны – это то, в чем образно измеряется мир. Эталоны обычно существуют в языке в виде образных сравнений: *хитрый как лиса; трусливый как заяц; тонкий как быллинка; пьяный как сапожник* и т.п. Воспроизводимые из поколения в поколение эталонные сравнения связаны с миропониманием, потому что они являются „результатом собственно человеческого соизмерения присущих ему свойств с «нечеловеческими» свойствами, носители которых воспринимаются как эталоны свойств человека”¹⁴. Таким образом, эталон – это устойчивое сравнение свойств человека или предмета со свойствами какой-либо реалии. В качестве реалии может выступать человек или натуральный объект, вещь, которые с точки зрения обиходно-культурного опыта людей являются знаком доминирующего в них свойства: *баран – ‘глупый’ (глупый как баран), медведь – ‘неуклюжий’ (неуклюжий как медведь)* и т.п. Основания таких устойчивых сравнений составляют один из важных культурных кодов в определенном культурном социуме и традиционно воспроизводятся в каждом поколении.

Стереотип – в отличие от эталона, это тип, существующий в мире и измеряющий в основном деятельность, поведение и т.п. Стереотип как форма поведения лежит в основе, например, фразеологизма *закидывать / закинуть <забрасывать / забросить> удочку <удочки>* – предварительно разузнавать, выяснять что-л., прибегая к каким-л. приемам, уловкам, намекам и т.п. Имеется в виду, что лицо (X) пытается узнать планы и намерения другого лица (Y), с целью оказать воздействие, приобрести что-л., похотатайствовать за кого-л. В основе образа фразеологизма лежит стереотипная ситуация: *закидывающая удочку, рыболов точно не знает, „клянет” рыба на крючок или нет, и потому для пробы может ее закидывать в разных местах, пока не попадетса самое рыбное.* Образ фразеологизма основан на метафоре ‘ловить рыбу – ловить человека’, известной по тексту Священного писания: „Проходя же близ моря Галилейского, он [Иисус] увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море; ибо они были рыболовы; И говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков” (Мф., 4:18,19).

Стереотипы поведения как важнейшие среди стереотипов могут переходить в **ритуалы**. Разница между ними в том, что при реализации стереотипов человек может не осознавать целей, ради которых действие совершается. Ритуал же всегда предполагает рефлексию относительно значения его исполнения. Ритуал условен, конвенционален. Социологическое понимание ритуала имеет по необходимости более общий характер. Воспользуемся определе-

¹⁴ В.Н. Т е л и я, указ. соч., с. 241–242.

нием В. Фукса¹⁵: ритуал – это „социально регулируемая, коллективно осуществляемая последовательность действий, которые не порождают новой предметности и не измеряют ситуацию в физическом смысле, а перерабатывают символы и ведут к символическому изменению ситуаций”. Посредством ритуалов поддерживаются общие культурные нормы и ценности народа. См., например, ритуалы, закрепленные во фразеологических единицах: *преподнести хлеб-соль кому-л.* – ‘оказать почести при встрече гостей’ – в этом фразеологизме закреплен ритуальный обряд: при встрече почетных гостей русские люди преподносят „хлеб-соль” – каравай хлеба и солонку с солью; *класть в гроб (могилу)* – ‘хоронить умершего’, значение фразеологизма объясняется обрядом захоронения покойников и т.п. **Обряд** при этом понимается как определенные действия, устанавливаемые обычаем или ритуалом и воплощающие какие-либо религиозные представления, бытовые традиции и т.п. Отец Александр Мень полагал, что обряд обязательно содержит таинство: *обряд крещения, свадебные обряды* и т.п. См. например, *пойти под венец* – ‘жениться или выйти замуж’ – значение фразеологизма объясняется церковным обрядом возложения венца на голову жениха и невесты.

Таким образом, главным для анализа культурного содержания идиом является расшифровка мифов, мифологем, архетипов, символов, стереотипов, эталонов, ритуалов и т.п. и, шире – образа мыслей, образа жизни, образа жизнедеятельности обычных индивидов русского языкового социума, интерпретация ключевых универсалий.

В лингвокультурологии экспликация культурно-национальной значимости фразеологизма достигается на основании рефлексивного соотнесения живого образа (внутренней формы) фразеологизма с теми „кодами” культуры, которые известны говорящему: настоящими же кодами культуры являются значения мифов (мифологем), легенд, обрядово-ритуальных форм культуры, обычаев, поверий, символов, стереотипов, эталонов, ритуалов и т.п. В практическом плане (например, в лингвистическом описании русского языка в учебных целях, в преподавании русского языка иностранным учащимся и т.п.) главным должна быть и н т е р п р е т а ц и я образного основания (внутренней формы) идиом в знаковом культурно-национальном „пространстве” русского языкового сообщества.

Владение культурной коннотацией фразеологических единиц является для представителей одного языкового социума в той или иной степени обязательным для выражения культурно-языковой компетенции. Нельзя мыслить о мире, не зная основных категорий культуры своего языкового этноса.

Интерпретация культурно-национальных коннотаций фразеологических единиц „нацеливает” на понимание глубинных черт русского народного менталитета, что очень важно для изучения русской фразеологии как русскими, так и – особенно – нерусскими людьми.

¹⁵ Цитирую по книге: Л.Г. И о н и н, *Социология культуры*, Москва 1996, с. 133.